

Разговор о простых вещах

В Петербурге исполнили кантату
московского журналиста

В лучшем камерном зале Петербурга — Малом зале филармонии — закончился двухгодичный цикл концертных программ под общим названием «Консонансы XX века». Цикл из семи вечеров, придуманный московским пианистом Алексеем Горьбодем и спонсированный питерским Институтом Про Арте, включал в себя музыку прошедшего века, не относящуюся к авангардному направлению. Таковую писали Стравинский, Бриттен, Шостакович, Прокофьев, Пуленк, Вайль и даже молодой Шенберг. Заключительный «Fashion-концерт» перешел границы заявленного XX века и добавил к этому списку наших современников — латышского минималиста Георгия Пелециса, петербургского постмодерниста Юрия Красавина и некое Творчески-производственное объединение (ТПО) «Композитор».

Известия - 2003 - 2 июля - с. 70.

Екатерина БИРЮКОВА

Для многих не секрет, что за аббревиатурой ТПО скрывается Петр Поспелов, известный московский музыкальный журналист, в недавнем прошлом, кстати, обозреватель газеты «Известия». Однако всякий раз, когда широкая публика сталкивается с плодами деятельности этого объединения (а оно весьма плодовито, среди его достижений — участие в коллективных проектах «Страсти по Матфею — 2000» и «Царь Демьян», победа на питерском композиторском конкурсе «Пифийские игры» с кантатой «Дух народа»), для начала, естественно, приходится объяснять, что это за зверь такой. И таким образом ТПО уже на входе получает заведомо больше строк и численное преимущество перед конкурентами. Неплохой имиджевый ход.

Поле, на котором играет ТПО, — новая модная академическая музыка. Непросто поверить, что такое вообще существует, но «Fashion-концерт» именно это и доказывает: зал — полный, публика — молодая, овации — жаркие. Наибольший энтузиазм из всей программы вызвало доступное, ритмичное и нахальное сочинение ТПО (будем придерживаться этого официального названия, поскольку помимо идеолога Поспелова над музыкой трудились выпускники композиторского отделения Московской консерватории Дмитрий Рябцев и Дмитрий Курляндский). Сочинение называлось «Освобождение Прелесты», это 50-минутная кантата для русских на собственный поспеловский текст для сопрано, баса, мужского вокального квартета, смешанного хора, двух фортепиано и камерного оркестра с аккордеоном, бас-гитарой и ударной установкой. С большим задором это эпическое полотно исполнила сборная команда московско-питерских музыкантов, руководимых Юлией Хуторецкой за пультом и Алексеем Горьбодом за одним из двух роялей.

Музыка «Прелесты» основана на идеях «новой простоты», «новой тональности», стилистической всеядности, постмодернизма, минимализма и прочих популярных веяний. Она все время что-то напоминает: русскую оперу, советскую песню, фортепианный концерт Чайковского, венгерские танцы Брамса. В ней даже можно найти западноевропейский авангард и позднеренессансную полифонию, которые нисколько не мешают общей бойкости повествования.

Номинально всеми этими приемами «Прелеста» корреспондирует с двумя другими сочинениями программы — с «ДАДА-вариациями» Красавина, представляющими собой ряд изысканных разностилевых превращений некой пребанальнейшей темы, и с «Nevertheless» Пелециса, музыкой редкой нежности и медлительности, как две капли воды напоминающей творчество москвича Владимира Мартынова.

Однако, если вдуматься, «Прелеста» как раз опровергает оба эти сочинения. И Красавин, и Пелецис каждый по-своему тянут на себе долгую композиторскую традицию, приспособливая модные приемы для сугубо композиторских нужд. Поспелов, напротив, эту традицию в грош не ставит. Первые же курьезно простые, хамоватые, приплясывающие звуки его кантаты ставят в тупик. Хочется спросить: «А что, разве так можно музыку писать?» При отрицательном ответе лучше сразу встать и выйти. При положительном — вполне можно расслабиться и в конечном счете получить удовольствие. Это напоминает клип, саундтрек, телерекламу. А больше всего это напоминает журналистику. Есть ряд жестких правил: нельзя снижать темпа, нельзя делать долгих пауз, нельзя тихо говорить, нельзя долго говорить об одном и том же, нельзя говорить о слишком сложных вещах. Впрочем, если все эти правила соблюдать, то слишком сложные вещи рассосутся сами собой.